

ЕЛЕНА МИЩЕНКО
АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ

ДИКИ ВЕЛИКИХ

В ГРАНИТЕ И В БРОНЗЕ

ЯКОВ ЭПШТЕЙН

Серия «Лики великих» — это сложные и увлекательные биографии крупных деятелей искусства — эмигрантов и выходцев из эмигрантских семей. Это рассказ о людях, которые, несмотря на трудности эмигрантской жизни, достигли вершин в своей творческой деятельности и вписали свои имена в историю мирового искусства.

Яков Эпштейн (1880 — 1959) — скульптор, писатель, мыслитель, выдающийся художник, прошедший через горнило творчества и непризнания, и все-таки достигший вершины славы.

Скульптуры Эпштейна украшают крупнейшие музеи мира, среди них — Музей современного искусства в Париже, Метрополитен-музей в Нью-Йорке.

Его имя навсегда вписано в историю мирового искусства.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

**Елена Мищенко
Александр Штейнберг**

**В ГРАНИТЕ И В БРОНЗЕ
*Яков Эпштейн (Jacob Epstein)***

Слово «космополит» в 50-е годы стало одним из наиболее популярных политических ругательств в Советском Союзе. Применение его всегда сопровождалось словами «беспаспортный бродяга» и «низкопоклонство перед Западом». Космополитами, что в переводе означает «гражданин мира», стало доминирующее большинство талантливых евреев. Судьба многих евреев — художников, скульпторов и архитекторов складывалась так, что им рано или поздно

приходилось покидать свое отечество. Они ехали в поисках свободы творчества, настойчиво стремясь к самовыражению, они бежали от антисемитизма, от ужасов погромов и насилия, они спасались от фашизма.

Талантливые молодые люди ехали во Францию и Америку, чтобы учиться, чтобы творить.

Витебский Шагал и Модильяни из Италии стали великими французскими художниками, Мендельсон из Германии стал крупным американским архитектором.

Но были и другие, более необычные перемещения. Яков Эпштейн стал выдающимся английским скульптором, несмотря на то, что родился и учился в Америке и совершенствовал мастерство во Франции. Так написано в американских энциклопедиях, и никому не пришло в голову обзывать его «беспаспортным бродягой». Его тепло принимали в Америке, его скульптуры хранятся в Метрополитен-музее и в крупнейших частных коллекциях.

НЬЮ-ЙОРК. РАННИЕ ГОДЫ

1889 год, Нью-Йорк. Именно здесь, в районе Ист-Сайда на Хестер-стрит, в семье иммигранта из Польши, скромного бизнесмена Эпштейна, родился

сын Яков. Хестер-стрит была типичной улицей еврейского района в Нью-Йорке. Тесная, узкая, застроенная невысокими, примыкающими друг к другу домами. Она была заселена русскими, поляками, итальянцами, греками. Многоязычие, различные нравы, запахи национальной еды, выкрики торговцев, звуки шарманки — все это окружало будущего скульптора с малых лет. Позднее, став знаменитым, он напишет свою биографию, в которой будут слова: «Улица моего детства сделала для меня очень много. Возможно, здесь я начал присматриваться к различным типажам людей, здесь понял цену дружбы. Улица моего детства, спасибо тебе!»

Родители Якова Эпштейна прибыли в Америку, подхваченные широкой волной эмиграции, спасаясь от погромов в царской России и Польше.

В Америку они приехали, как и большинство иммигрантов, без языка, без знания обычаев страны, привезя с собой все привычки и образ жизни из Польши. Яков был младшим, третьим ребенком в семье. Старший, Луис, был подростком, когда они приехали в Америку. Сестра Ида, очень красивая девочка, обращала на себя всеобщее внимание. Яков был болезненным ребенком, не принимал участия в ребячьих играх и отличался от ровесников необычайной серьезностью.

Нью-йоркское гетто — небольшой город, жил своей жизнью. Выпускались газеты на идиш, были ночные клубы, маленький театр, своя интеллигенция, журналисты, свои воры и проститутки. Все это варилось в одном котле, плакало, смеялось, горевало...

«Я всегда, сколько себя помню, рисовал, — рассказывает Яков Эпштейн в своей автобиографии. — Очень любил рисовать религиозных фанатиков с длинными пейсами, в черных шляпах. Я рисовал портреты всех моих друзей. Не помню, кто меня учил рисовать, кажется, я с этим родился».

Рисование портретов, вещей, окружающих будущего художника, стало основным занятием Якова. Модель найти было очень несложно — вокруг было так много интересных людей, которые с удовольствием позировали для рисунка. «Евреи считали мои действия чем-то магическим, они с детской непосредственностью радовались, увидев себя на листе бумаги. Иногда я даже «зарабатывал», получив яблоко или кусок фаршированной рыбы», — пишет скульптор.

Чтение стало вторым увлечением мальчика. Яков начал читать по-русски «Братьев Карамазовых» Достоевского, повести и романы Толстого. Он уходил читать в Центральный парк, выбрав уединенное место, а потом шел в галереи на

Пятой Авеню, где были собраны лучшие полотна американской живописи и европейских художников. Это была пора познания мира, искусства, в котором предстояло жить и творить. Почувствовав непреодолимую тягу к живописи, Яков Эпштейн начинает посещать школу рисунка, которая находилась в его родном районе города. Там собирались юноши и девушки, увлеченные живописью. Яков постигал основы рисунка, пластики. Его все больше привлекала выразительность человеческого тела, хотелось повторить это в бронзе, глине.

Семья скептически относилась к его увлечениям живописью. Вокруг все занимались бизнесом — мелким или крупным, и Яков должен был поддерживать семейные традиции. Поэтому, когда его рисунки покупали за пару долларов, это не вызывало восторга у родителей. Он был чужим в семье, и его все чаще посещала мысль оставить родительский дом и уехать учиться живописи. Школа рисунка не удовлетворяла его. Яков чувствовал, что он в состоянии сделать больше, да и нравы местечковой богемы были ему не по душе.

«После долгих поисков я нашел школу скульптуры, где преподавал известный скульптор Джордж Грей Бернارد. Учащимися были в основном помощники скульпторов, те, кто отливали скульптуры в различных материалах.

Поэтому днем мы тяжело физически работали в мастерских, а вечерами учились искусству. Дисциплина в мастерской была очень суровая, мне это нравилось», — пишет Яков Эпштейн.

Он проучился там полгода, а затем, почувствовав в себе достаточно сил, устремился туда, куда уезжали все одаренные юноши — в Париж!

ЗДРАВСТВУЙ, ПАРИЖ!

Куда устремляется первым делом юноша-художник, попав в Париж? Конечно же, к Нотр Дам на берег Сены, а потом, перейдя мост, — к Лувру! Таким был маршрут и Якова Эпштейна.

На следующий день он участвовал в погребальном шествии на похоронах Эмиля Золя. Слышал антисемитские выступления, крики жандармов, видел дерущихся студентов, их аресты.

«Лувр открыл мне новый мир, огромный мир настоящего искусства. Я был ослеплен, потрясен увиденным, — рассказывает Яков. — Я до этого времени видел лишь иллюстрации в журналах, а здесь — все наяву: ранняя греческая скульптура, работы примитивистов — настоящий праздник для глаз и души».

Скульптор пишет, что он, конечно, много слышал о маленьких парижских кафе, однако в тот